

Лин Си стрелой ринулся в воду. И только когда он, вынырнув, вытащил человека на берег, подоспевшие следом деревенские, запыхавшись, наконец-то сообразили, что случилось.

— Да чтоб меня... и вправду кто-то утонул!

— Кто это? Среди бела дня и в реку?!

Несколько человек торопливо ринулись поближе, но Лин Си резко оборвал:

— Стоять!

Он не кричал, но голос прозвучал так, будто стал твёрдым, как железо, и всех, как гвоздями, пригвоздил к месту.

Откинув мокрые пряди с лица спасённого, Лин Си увидел мертвенно-бледные черты - это был Люй Чжи. Он поднёс руку к его носу - дыхание едва угадывалось. Лин Си немедленно переплёл пальцы, начал делать сердечно-лёгочную реанимацию. К счастью, его чуткий слух и скорость помогли - Люй Чжи наглотался не так уж много воды. Уже через несколько нажатий тот закашлялся, выплёвывая её, и медленно открыл глаза.

Он растерянно смотрел в небо. Постепенно в размытом взгляде вырисовалось лицо - странное, будто незнакомое, и в то же время смутно знакомое.

Неужели он умер? Здесь... двор Короля Яма?

Лишь когда черты лица человека, склонившегося над ним, наконец прояснились, Люй Чжи с запозданием понял - он не умер. Кто-то вытащил его из воды.

— Дядя Люй, вы в порядке? — Лин Си мягко похлопал его по щеке.

Сознание понемногу возвращалось. Ледяной холод впивался в тело, будто тысячи игл, зубы яростно стучали. Люй Чжи попытался что-то сказать, но горло будто залили кипящей смолой - ни звука не мог издать. Горячие слёзы катились по вискам.

— Зачем... зачем ты меня спас?

— Разве не лучше было бы... оставить меня там?

— Я... я же бесполезный, никчёмный... давно должен был умереть...

Лин Си слушал, как он сиплым, дрожащим голосом твердит одно и то же, и его лицо всё

мрачнело. Он поднялся, выжал воду из рукавов и, не проявив ни капли жалости, произнёс:

— Раз уж вам так хочется умереть, прыгайте ещё раз. В этот раз я точно вмешиваться не стану.

Не только толпа зевак позади Лин Си онемела, сам Люй Чжи, главный участник происходящего, утратил дар речи. Кто же так поступает? Какой спаситель после вытаскивания из воды человека скажет подобные, холодные как лёд слова?

Он даже забыл, что плакал, просто сидел, глядя вверх на Лин Си пустым, потерянным взглядом. А тот, красивый, будто вырезанный из нефрита, смотрел на него сверху вниз, в глазах будто две льдинки:

— Нет сил? Подтолкнуть?

Тело Люй Чжи дёрнулось, и он, словно под ударами плети, резко замотал головой. А потом... замер. Он только сейчас понял: он не хочет умирать. Когда остаётся хоть малейшая возможность жить, кто в здравом уме действительно желает смерти?

Он опустил голову, краснея от стыда:

— Простите... и... спасибо, что спасли меня.

Лин Си не стал его больше ни утешать, ни отчитывать. Просто махнул рукой в сторону ошеломлённых мужиков:

— Чего уставились? Быстро обратно работать. На обед оленьё мясо.

Мужики, услышав заветное слово, моментально оживились, глаза у всех разом заблестели. Оленьё мясо! Да это же редкая, питательная добыча, не каждому по карману. А Лин Си, ни много ни мало, собирался кормить их олениной!

Взгляды всей толпы в одно мгновение стали ласково-угодливими, почти раболепными:

— Хорошо-хорошо! Уже идём! Сейчас же!

Лишь когда народ разошёлся, неспешно подошёл Хо Цзюй, впереди него плелись две тётушки, не успевшие за остальными. Они ещё недоумевали, почему мужики внезапно сорвались с места, как угорелые, но, заметив на земле мокрого, едва живого Люй Чжи, они мигом ахнули и понеслись к нему.

— О боже милостивый, Люй Чжи, как же ты мог дойти до такого?!

— Глянь, какое лицо белое, совсем без крови! Ты что, дурной? Ради тех двух старых чертей из семьи Цао жизнь класть не стоит!

Тётушки, наконец, заметили, что с подола Лин Си капает вода, и сразу обратились к Хо Цзюю:

— Быстро веди своего супруга переодеться! Ему ж простудиться раз плюнуть!

Чжао Даньгуй и Лю Шуфэнь сами взялись за Люй Чжи: отвели его к Чжао Даньгуй домой, там усадили, дали сухое полотенце, велели вытереться. Хозяйка ещё и вынесла одежду - старые наряды своего гера, что когда-то ушёл замуж в соседнюю деревню Даянь. Пока переодевали, обе бормотали, сокрушаясь и ругая семью Цао.

Когда Лин Си и Хо Цзюй переоделись и снова пришли, внутри уже успели разразиться слёзы: и Люй Чжи, и Чжао Даньгуй, и Лю Шуфэнь проплакались так, что у всех троих глаза покраснели, словно кроличьи. Особенно Чжао Даньгуй: у неё самой есть ребенок-гер, давно выданный замуж. Стоило ей лишь представить, что тот мог бы терпеть в доме мужа то же, что пережил Люй Чжи, слёзы сами катились градом. Она, не раздумывая, жизнь бы положила, только бы защитить своего ребёнка и добиться справедливости.

Жаль, у Люй Чжи нет такой матери, как Чжао Даньгуй. За его спиной пустота; некому заступиться. Собственная родня ещё и норовит пнуть в пропасть, когда он и так стоит на краю.

Когда Лин Си и Хо Цзюй присели рядом и дослушали историю до конца, они лишь покачали головами. Даже привыкшим к людской черствости им было трудно не вздохнуть: родные Люй Чжи оказались жестоки до бесчеловечности. Говорят, что даже тигр не тронет своих детёнышей, а тут родная семья полностью отвернулась от него, будто его жизнь ничего не стоит.

Люй Чжи только что пережил выкидыш; душевно он едва держится, тело ещё не восстановилось, а следом изгнание и от мужа, и от собственной семьи. Отчаяние, в котором он бросился в реку, было, увы, вполне понятным.

- Глупый ты ребёнок... Они не дают тебе жить? Так ты тем более не смей умирать! Ты обязан жить и хорошо жить, лучше них всех! Чтобы потом сами локти кусали! — Чжао Даньгуй, вытирая слёзы, крепко схватила Люй Чжи за руку и произнесла это с такой силой, будто вбивала каждое слово в его сердце.

Все понимают: перевернуть свою судьбу, подняться назло тем, кто презирал тебя, - это, конечно, приятно. Но в жизни такое удаётся единицам. Жизнь ведь не книжная история: не так-то просто выбраться из ямы. Люй Чжи криво усмехнулся - не то улыбка, не то судорога. У него ни гроша, ни угла, где можно приткнуться. С чего тут начинать «жить лучше»?

- Чего там думать, — продолжила Чжао Даньгуй, — пока живи у меня. Переберёшься в комнату Сяо Лицзы. Он после свадьбы почти не приезжает, так что место пустует. Живи спокойно.

- Сестра Даньгуй, так нельзя... — Люй Чжи всполошился и начал было отнекиваться. В чём смысл жить у чужих? Да и лишний рот в простой крестьянской семье - это не шутка.

- Решено! — Чжао Даньгуй решительно прижала его руку ладонью, не оставляя ему шанса возразить.

У Люй Чжи тут же снова покраснели глаза; хрупкие, истощённые плечи едва заметно задрожали.

Лин Си внезапно заговорил:

— Дядя Люй, раз уж семья Цао выгнала тебя... считаешь ли ты себя всё ещё их фуланом?

Трое в изумлении обернулись к нему. Люй Чжи, вытерев слёзы, кивнул:

— Считаю...

Не успел он договорить, как Лин Си выдал фразу, которая словно громом ударила всех присутствующих:

— Тогда ты хочешь развестись?

Люй Чжи широко распахнул глаза. Две тётушки рядом чуть шею не свернули, так резко они обернулись. Лишь Хо Цзюй спокойно бросил на Лин Си ленивый взгляд, будто тот спросил что-то совершенно естественное. Он долго жил на севере, где нравы куда свободнее. Там женщины спокойно держат лавки, могут и подвыпившего мужлана в одиночку унять - попробуй такую подавить! И с разводами там куда проще: не сошлись - разошлись, и никто из этого трагедии не делает. А уж те, кто расстался со скандалом, так и вовсе при встрече способны обругать друг друга на две улицы.

Потому Хо Цзюя вопрос Лин Си несколько не смутил: раз уж вместе жить немогуту, развод логичен.

— Я... это... я... — Люй Чжи беспомощно открывал и закрывал рот, но ни одна связная фраза у него так и не сложилась.

Две тётушки всплеснули руками, замахали, чуть ли не приговаривая от сглаза:

— Лин Си, ну что ты такое говоришь, а? Ты же маленький гер, откуда такие слова! Тьфу-тьфу-тьфу, чтоб не сглазить! Детские речи, пустяки!

— Развод - это тебе не шутки, — вторая тётушка укоризненно покачала головой. — С таким клеймом потом люди всю жизнь косточки перемывать будут. Как Люй Чжи потом в деревне жить-то?

Обе уставились на Лин Си с откровенным несогласием, будто строгие насадки, отчитывающие шаловливого цыплёнка. Но Лин Си их вовсе не слушал. Он смотрел только на Люй Чжи - прямо, спокойно, холодно. Люй Чжи ощутил его взгляд, дрогнул губами и через долгое-долгое молчание едва выдавил:

— Я... я об этом не думал...

— Тогда думай сейчас, — отрезал Лин Си, как ножом.

— Ты что, мальчик, совсем шуток не понимаешь? — забеспокоилась Лю Шуфэнь. — Ты маленький, тебе не понять! Слова людские, они убить могут, знаешь ли!

Лин Си даже бровью не повёл:

— Он уже в реку бросился. Какие уж тут сплетни, хуже-то что ему может быть?

Женщины и гер замерли. Будто кто невидимый ткнул им в немой узел на горле, и все трое застыли, глядя друг на друга.

Да. Ведь всё верно.

Люй Чжи уже доведён до того, что жить не хочется, какие там слухи, какая молва... что ещё может его напугать, если худшее уже случилось?

Лин Си пристально, почти пронизывающе посмотрел на Люй Чжи:

— Дядя Люй, спасти тебя можешь только ты сам.

Зрачки Люй Чжи дрогнули, расширились; он сидел на кровати, словно выжженный изнутри, точно душу из него вынули. Впервые в жизни кто-то сказал ему подобные слова.

Но... разве не все терпят? Разве не так всегда было? Неужели он... он вправду должен пойти и требовать развода у мужа?

Стоило лишь мелькнуть этой мысли, и сердце забилось в бешеном ритме, в ушах зазвенело. Он никогда об этом не думал. Никогда бы и не посмел подумать.

Тогда думай сейчас.

Эти слова снова и снова отдавались в его голове, смывая тридцатилетние установки, словно мутную грязь.

Он может... сам принимать решения? Он вправе... сам выбрать, как ему жить?

Он ведь даже смерти уже не боится, чего же тогда страшиться?

...

Когда они почти дошли до бамбуковой хижины, Хо Цзюй, долго молчавший, наконец заговорил:

— Ты... очень прикипел к делу дяди Люй.

— А? — Лин Си обернулся. Профиль Хо Цзюя в лучах солнца выглядел так, словно его выточили вручную - безупречно, будто произведение искусства.

Каждый раз, глядя на его лицо, Лин Си невольно восхищался: «Какой же он красавец... Мой глаз настоящий алмаз. Ради такого лица нельзя давать человеку сбежать.»

— Лин Си? — Хо Цзюй позвал его уже несколько раз, прежде чем тот очнулся. — О чём задумался?

Лин Си поспешно замотал головой. Уже хотел честно признаться, что просто любовался на его красивую физиономию, но вовремя вспомнил прежние реакции Хо Цзюя и благоразумно промолчал.

— Ничего. — он перевёл разговор. — Дела, что происходят далеко, не мне решать. Но если что-то случается у меня на глазах, и я могу помочь - помогу.

Лин Си не был человеком с особо развитым чувством справедливости. Просто с детства его учили: сильные новые люди обязаны защищать слабых обычных людей. Они рождены, чтобы быть щитом и мечом против мутировавших существ. И пусть теперь ему больше не нужно исполнять этот долг, привычка защищать слабых стала частью его природы, его рефлекса.

Хо Цзюй не знал, что характер Лин Си сформировался суровой средой, и потому считал: тот просто от природы добрый, прямолинейный и справедливый. Как у человека, всю жизнь защищавшего страну, у него вдруг вспыхнуло странное чувство, будто они с Лин Си бойцы одной армии, пусть и шли к этому разными дорогами. В груди что-то гулко перекатилось, горячо и стремительно, словно волна.

Он посмотрел на Лин Си, взгляд стал глубоким, горячим, полным одобрения и восхищения. Лин Си от этого взгляда почувствовал, как по коже побежали мурашки, затылок зачесался, и он невольно ускорил шаг.

Под предлогом больной ноги Хо Цзюй остался в бамбуковой хижине, а Лин Си каждый день ни свет ни заря спускался в деревню вместе с мужиками и помогал строить дом.

Хо Чанъань после самой первой встречи больше Хо Цзюя не видел. А даже если бы увидел, не нашёл бы, что сказать. Но всё равно: не видеть его совсем как-то... неприятно.

Он негромко пожаловался старшему брату:

— Свой дом строит, и он ни разу не пришёл посмотреть...

Хо Чаншэн покосился на него:

— У далана с ногой беда. Тут кругом балки, брёвна, инструменты. Если что на него упадёт, что тогда? Пусть лучше дома сидит.

Хо Чанъань был наглухо прижат к стенке доводами старшего брата и возразить ему было решительно нечего. Хо Чаншэн, видя, куда клонят его мысли, усмехнулся:

— Наконец-то дошло? Собрался поговорить со старшим братом?

У смуглого парня покраснела и шея, и лицо. Он смущённо промолчал. Хо Чаншэн потрепал его по голове:

— Так это ж легко. Сходи к своей невестке, пусть сводит тебя в горы или передаст брату слово. Завтра и договоритесь о встрече.

Взгляд Хо Чанъаня сам собой скользнул к Лин Си, который весь ушёл в работу. Сколько бы он ни смотрел, всякий раз поражался его нечеловеческой силе.

Он мялся, мялся, пока солнце почти не коснулось горизонта, и только тогда подошёл к Лин Си. Лин Си ещё задолго до того заметил, что тот маячит рядом, и терпеливо ждал, когда же парень откроет рот. Но смуглый мальчишка оказался даже более зажатым, чем его брат - мялся, бормотал, но так и не смог выдать ни слова.

Лин Си вздохнул и сам заговорил:

— Тебе что-то нужно?

Хо Чанъань вздрогнул, будто его дернули током, резко поднял голову и уткнулся взглядом в чистые, ясные глаза Лин Си. И сразу — хлоп! — всё его тёмное лицо стало цвета спелого финика.

— Н-не... нет... — пробормотал он и, развернувшись, умчался, будто за ним гналась нечисть.

Лин Си вытер пот со лба и с крайним недоумением поморщился. Да уж, неужели он и правда настолько страшен, что мальчишку аж перекосило?

А в голове у Хо Чанъяня всё ещё стояла гладкая, белая как нефрит кожа Лин Си, как по ней скатывались блестящие, будто жемчужные капли пота... А лёгкий, рассеянный взгляд глаз феникса сверкал, словно в них вставили драгоценные камни.

Он вырос в захолустной деревеньке и никогда в жизни не видел так близко ни одного гера, да и вообще никого настолько красивого. Красивого до нереальности, словно сошедшего с небес. Невольно он вспомнил сватовство, о котором когда-то говорила ему мать. Он давно забыл, как выглядела та девица, но помнил её серьги - красные, словно капли крови. Если бы такие были на ушах Лин Си... должно быть, смотрелись бы дивно.

Бегущий шаг незаметно замедлился. Взгляд помутнел, опустился вниз, прямо на носки собственных башмаков. А там, в стёртой ткани, зияла дыра, и сквозь неё торчал неловко сжавшийся грязный палец.

Хо Чанъань резко шлёпнул себя по щеке. Очнись! Что ты вообще себе позволяешь думать?

Это же его невестка.

Фулан его старшего брата.

Но тогда... почему его старший брат, тот, что не слушал родителей, считался непочтительным сыном, смог привести в дом такого прекрасного супруга? А он сам, самый послушный, самый трудящийся, самый беспрекословный сын, живёт в такой нищете, что и мечтать о женитьбе ему стыдно.

<http://bllate.org/book/13580/1204872>